

УДК 332.1, 338.1, 339.9, ББК 65.04, JEL Code R12

DOI 10.17072/1994-9960-2024-4-377-394

EDN AGYRJP

Инвестиционная открытость российских регионов: трансформации во времени и влияние приграничного положения

Анастасия Владимировна Васильева

Researcher ID: T-3329-2018, ПИНЦ Author ID: 679159, ✉ vasnask@gmail.com

Марина Валерьевна Морошкина

Researcher ID: O-9248-2015, ПИНЦ Author ID: 76577

Карельский научный центр Российской академии наук (Институт экономики), Петрозаводск, Россия

Аннотация

Введение. Сегодня Россия сталкивается с целым рядом вызовов и ограничений, которые могут оказывать влияние на внешнеэкономическую деятельность, в том числе на привлечение иностранных инвестиций. Однако это влияние с точки зрения российского пространства проявляется неоднородно. **Цель.** Оценить инвестиционную открытость российских регионов, выявить пространственные закономерности инвестиционной деятельности, определить характер влияния фактора приграничного положения. **Материалы и методы.** Показатель инвестиционной открытости определен с использованием математического инструментария и опорой на статистические данные 2011, 2015 и 2021 гг. Для типологизации использован иерархический кластерный анализ. Результаты расчетов и типологизации визуализированы в виде картосхем. **Результаты.** Выделены группы регионов по уровню инвестиционной открытости (отстающие, средние и лидеры), определены тенденции изменений данного параметра для пространства России за анализируемый период с учетом влияния фактора приграничного положения. **Выводы.** Приграничное положение не оказывает преобладающего влияния на уровень инвестиционной открытости экономик российских регионов. Однако на отдельных участках границы воздействие можно зафиксировать, при этом характер его будет во многом объясняться геополитической ситуацией. Исходя из значимости инвестиционной привлекательности для экономического и технологического развития возникает необходимость в ее научно обоснованном мониторинге. Представленный в работе методический подход может использоваться для оценки трансформации параметра инвестиционной открытости экономик российских регионов во времени и пространстве, в том числе с учетом влияния фактора приграничного положения.

Ключевые слова

Регион, приграничный регион, экономическое пространство, инвестиционная открытость, трансформация региональных экономических систем, типологизация, кластерный анализ

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования

Васильева А. В., Морошкина М. В. Инвестиционная открытость российских регионов: трансформации во времени и влияние приграничного положения // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2024. Т. 19, № 4. С. 377–394. DOI 10.17072/1994-9960-2024-4-377-394. EDN AGYRJP.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 11.10.2024

Принята к печати: 30.11.2024

Опубликована: 20.12.2024

© Васильева А. В., Морошкина М. В., 2024

Investment openness of the Russian regions: Transformations over time and influence of the border location

Anastasia V. Vasilieva

Researcher ID: T-3329-2018, RISC Author ID: 679159, ✉ vasnask@gmail.com

Marina V. Moroshkina

Researcher ID: O-9248-2015, PIHQ Author ID: 76577

Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Institute of Economics), Petrozavodsk, Russia

Abstract

Introduction. Today, Russia faces a number of challenges and restrictions that might affect foreign economic activity, including attracting foreign investments. However, this influence is not equal over various Russian territories. *Purpose.* The paper aims at assessing the investment openness of the Russian regions, identifying spatial trends in investment activities, and determining the impact of the border factor. *Materials and Methods.* Investment openness was defined with mathematical tools and statistical data from 2011, 2015, and 2021; hierarchical cluster analysis was used for typology; the results of calculations and typology were visualized in map diagrams. *Results.* The study identified groups of regions by their investment openness (outsiders, averagers and leaders); the parameter's dynamic trends driven by the border factor were determined for the territories of Russia over the period of study. *Conclusions.* The border factor has no predominant decisive influence on investment openness of the economies in the Russian regions. However, some regions showed the dependence on the border factors, which could mainly be explained by their geopolitical situation. Considering the importance of investment attractiveness for economic and technological development, there is a need for its scientifically based monitoring. The methodological approach presented in the work can be used to assess the spatial and time changes in investment openness of the economies of the Russian regions, including with regard to the border factor.

Keywords

Region, border region, economic space, investment openness, transformation of regional economic systems, typology, cluster analysis

Funding

The study was funded as a public task of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences "Comprehensive study and elaboration of management principles for sustainable development of Russia's northern and borderland belts in the context of global challenges".

For citation

Vasilieva A. V., Moroshkina M. V. Investment openness of the Russian regions: Transformations over time and influence of the border location. *Perm University Herald. Economy*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 377–394. DOI 10.17072/1994-9960-2024-4-377-394. EDN AGYRJP.

Declaration of conflict of interest: non declared.

Received: October 11, 2024

Accepted: November 30, 2024

Published: December 20, 2024

© Vasilieva A. V., Moroshkina M. V.,
2024

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность

С точки зрения инвестиционной привлекательности российские регионы значительно различаются. Однородности по этому показателю для такой большой страны, как Россия, достичь сложно, причем однозначного ответа на вопрос, есть ли в этом экономический смысл, также нет. Однако оценка влияния как внутренних, так и внешних воздействий на динамику инвестиционных потоков в страну в целом и на ее отдельные территории, безусловно, важна. Пространственный аспект заслуживает внимания в связи с тем, что именно оптимальное территориальное распределение всех направлений развития системы народного хозяйства является условием не только экономического роста, технологического развития, но и обеспечения национальной безопасности страны.

Сегодня Россия сталкивается с целым рядом вызовов и ограничений, которые могут оказывать влияние на социально-экономическое развитие и на внешнеэкономическую деятельность. Экономические и геополитические кризисы негативно отражаются на динамике иностранных инвестиций. Однако это влияние с точки зрения российского пространства проявляется неоднородно. Трансформации характера такого влияния необходимо исследовать для выявления формирующихся тенденций и выработки научно обоснованной информационной базы, способствующей принятию управленческих решений. Особого внимания заслуживают указанные трансформации в приграничном поясе России в связи с тем, что с точки зрения географической близости к зарубежным рынкам именно эти территории обладают потенциалом инвестиционной привлекательности. В то же время современная геополитическая ситуация резко повлияла

на инвестиционную деятельность на отдельных участках российской границы. В кругах ученых и управленцев развивается дискуссия о подходах к локализации инвестиционных проектов в близости к государственной границе, в том числе с точки зрения национальной безопасности, что также требует выработки методических подходов для осмысления этих процессов. Причем экономисты подчеркивают, что в настоящий момент еще не разработаны ни теория, ни экономико-математический инструментарий для построения прогнозов и предвидения эффектов от политического вмешательства в объективные экономические процессы [1]. Сформировались уникальные условия, которые требуют совершенствования существующих и разработки новых методических подходов, соответствующих текущей геополитической ситуации, с чем и связана актуальность настоящей работы. В свою очередь, новизна предложенной методики определяется выделением групп регионов России по уровню инвестиционной открытости в период с 2011 по 2021 г. с учетом влияния основных кризисов и определением воздействия фактора приграничного положения на инвестиционную деятельность и трансформации этого воздействия в институциональном и геополитическом контекстах. Апробация методического подхода и ее результаты могут быть использованы в целях формирования научно-информационной базы для принятия управленческих решений, направленных на обеспечение равномерного развития экономики и финансового рынка по регионам, выравнивания дисбалансов с учетом региональной специфики, что соответствует принципам развития финансового рынка, закрепленным в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 г.¹

Настоящее исследование является продолжением работы авторов, в которой предложен методический подход к оценке торговой

¹ Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://clck.ru/3Ew5bd> (дата обращения: 03.09.2024).

открытости российских регионов и выполнена его апробация. При этом торговая открытость рассматривалась как одно из условий формирования открытой экономики [2]. Однако наряду с показателями торговли для характеристики внешнеэкономической деятельности важную роль играют инвестиции [3]. Инвестиции рассматриваются как необходимое условие для экономического роста [4], при этом наибольшую значимость инвестиции приобретают при реализации крупных и стратегически важных инфраструктурных проектов, например таких, как Северный морской путь [5; 6]. Нужно отметить, что в текущей геополитической ситуации правительство России стремится сохранять курс на открытость экономики – экономики, свободной от негативных политических вмешательств с защитой инвестиций, что выражается в развитии внешнеэкономической деятельности, в том числе инвестиционной. Эти идеи были сформулированы в обращениях Президента России Федеральному собранию в 2024 г. и на полях ПМЭФ в 2023 г., отражены в Проекте основных направлений развития российского финансового рынка РФ на 2025 г. и период 2026 и 2027 гг.¹ и Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 г., что не исключает необходимости обеспечения экономического, финансового и технологического суверенитета российской экономики.

Оценка институциональной среды

В целом под инвестициями понимают вклады капитала в целях получения прибыли. Различные классификационные основания позволяют разделить инвестиции на краткосрочные и долгосрочные, пассивные и активные, прямые и портфельные, государственные, частные и иностранные. В рамках настоящего исследования будут рассматриваться иностран-

ные инвестиции и соответствующий уровень инвестиционной открытости как одна из характеристик экономической открытости, которая предполагает не только внешнеэкономическую интеграцию, но и повышение конкурентоспособности экономики за счет технологической модернизации национального хозяйства. Таким образом, развитие инвестиционного потенциала является одним из основных направлений внешнеэкономической политики страны [7]. При этом под инвестиционным потенциалом специалисты понимают совокупность инвестиционных ресурсов, а также способность региона генерировать высокий уровень дохода на инвестиции и гарантировать безопасность инвестиций [8]. Под иностранными инвестициями в работе понимаются вложения иностранного капитала, осуществляемые зарубежными инвесторами в объекты хозяйственной деятельности на территории России, а прямыми иностранными инвестициями считаются соответствующие вложения в размере не менее 10 % в уставном капитале этого объекта². Открытость экономики для иностранных инвестиций в первую очередь определяется инвестиционным климатом страны и объемами инвестиций, а инвестиционная открытость отдельных регионов характеризуется отношением иностранных инвестиций в экономику региона к иностранным инвестициям в экономику страны в целом, что далее может быть использовано для определения дифференциации территорий по этому показателю.

С институциональной точки зрения инвестиционная привлекательность, а следовательно, и инвестиционная открытость формируются в том числе различными мерами государственного регулирования. Кроме таких очевидных шагов, как обеспечение честной конкуренции³ и минимизация административных барьеров, активно внедряются особые

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год // Банк России. URL: <https://clck.ru/3Ew5df> (дата обращения: 03.09.2024).

² Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: федер. закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3Ew5k2> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах РФ: распоряжение Правительства РФ от 17.04.2019 № 768-р // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew5kn> (дата обращения: 01.03.2024).

преференциальные режимы хозяйствования¹. К ним относятся специальные административные районы, территории опережающего развития, особые экономические зоны различного профиля. Работают отдельные механизмы для привлечения инвестиций в экономику. Широкое распространение получили также механизмы налогового стимулирования инвесторов [9]: инвестиционный налоговый вычет, позволяющий снизить сумму налога²; ряд инвестиционных тарифных льгот³, связанных с необходимостью беспрошленного импорта; реализация возможности возмещения затрат на строительство инфраструктуры и уплату процентов по кредитам и займам в рамках соглашения о защите и поощрении капиталовложений для приоритетных сфер деятельности и проектов⁴. Все эти меры направлены на расширение географии внешнеэкономической деятельности, в том числе инвестиционной. Необходимо отметить, что техническая сторона обеспечения процессов инвестирования в условиях санкционных ограничений требует от России трансформации финансовых институтов инвестирования, например

обеспечения механизмов расчетов в национальных валютах, создания независимых региональных кредитно-денежных систем и проч. [10]. Для наиболее значимых направлений сотрудничества создаются специальные рабочие группы с соответствующими компетенциями и полномочиями, например Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству, основной задачей которой является содействие в реализации двусторонних российско-китайских инвестиционных проектов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

С методической точки зрения оценка влияния инвестиций на развитие народного хозяйства происходит на разных уровнях (макро-, мезо- и микро-), что определяет способы и инструменты экономического анализа и характеристики используемой эмпирики. Приведем примеры таких исследований. Влияние инвестиций на рост валового внутреннего продукта в Российской Федерации рассматривается в работе С. А. Власова и А. А. Синякова [11], где

¹ Об утверждении целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ и составов рабочих групп по мониторингу их внедрения: распоряжение Правительства РФ от 31.01.2017 № 147-р // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew5me> (дата обращения: 01.03.2024).

² О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27.11.2017 № 335-ФЗ // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew5rK> (дата обращения: 01.03.2024).

³ О порядке предоставления тарифной льготы в виде освобождения от уплаты ввозной таможенной пошлины в отношении технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему, сырья и материалов, ввозимых для исключительного использования на территории Российской Федерации в рамках реализации инвестиционных проектов, соответствующих приоритетному виду деятельности (сектору экономики) Российской Федерации, и об освобождении от предоставления обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин в отношении указанных товаров: постановление Правительства РФ от 09.05.2022 № 839 // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew5wB> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew5yT> (дата обращения: 01.03.2024); О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений: постановление Правительства РФ от 13.09.2022 № 1602 // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew62Z> (дата обращения: 01.03.2024); О порядке предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений, государственных (муниципальных) предприятий) на возмещение затрат на создание (строительство), модернизацию и (или) реконструкцию обеспечивающей и (или) сопутствующей инфраструктур, необходимых для реализации инвестиционного проекта, в отношении которого заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, а также затрат на уплату процентов по кредитам и займам, купонных платежей по облигационным займам, привлеченным на указанные цели, и определения объема возмещения указанных затрат»: постановление Правительства РФ от 03.10.2020 № 1599 // Гарант. URL: <https://clck.ru/3Ew65X> (дата обращения: 01.03.2024).

авторы показывают значимое влияние на ВВП со стороны частных инвестиций. В исследовании профессора И. М. Драпкина и его коллег эффекты от инвестиционной деятельности изучаются на уровне деятельности компаний [3] на основе баз данных с показателями за 2008–2017 гг. Изучив данные указанного периода, авторы выявили тенденцию к вытеснению внутренних инвестиций иностранными. В исследовании Б. А. Замараева и Т. Н. Маршовой эффективность инноваций оценивается на отраслевом уровне [6].

Можно выделить ряд работ, в которых, напротив, рассматривается влияние внешних и внутренних условий на инвестиционные потоки. Это влияние может носить разнонаправленный характер. Например, налоговое законодательство может ограничивать или стимулировать инвестиции. Выделяется группа исследований, в которых обоснован рост инвестиционных потоков на страновом, региональном и организационном уровнях при условии развития специальных налоговых режимов [12–14]. Однако существует альтернативный взгляд на ситуацию внедрения специальных налоговых режимов, зачастую реализующихся в дополнительных преференциях. Так, в публикации *L. Jacobson* показано, как льготное налогообложение создает дополнительные преференции для инвесторов, причем сам автор, заметив ради справедливости, рассматривает это как дискриминацию по отношению к другим участникам экономических процессов [15].

В работе И. А. Квашниной показано, что шоки, вызванные пандемией, влияли неравномерно не только на страны и территории, но и на отдельные отрасли [16]. Эти выводы частично корреспондируются с результатами исследования Е. Н. Смирнова и С. А. Лукьянова, демонстрирующими структурные трансформации глобальных потоков инвестиций в условиях коронакризиса [17]. При этом кризисные явления могут иметь в своей основе как экономические, так и политические причины. Закономерно, что неопределенность экономической политики может негативно влиять

на инвестиционную привлекательность [18]. В противовес политической и экономической турбулентности действуют институциональные меры стимулирования инвестиционной активности. В работах отечественных авторов приводятся оценки эффективности таких мер, как создание преференциальных режимов на отдельных территориях [19], механизм государственно-частного партнерства [20], поддержка инвестиционных проектов в приоритетных отраслях за счет таможенного регулирования [21], других форм инвестиционного субсидирования [22]. При этом контент-анализ текстов 30 стратегий социально-экономического развития городов России (с населением от 80 до 1633 тыс. человек), принятых с 1997 по 2023 г., проведенный специалистами Института региональных проблем РАН, показал, что такое слово-маркер, как «инвестиции», во все исследуемые периоды относится к группе лидирующих и наиболее часто упоминаемых, что подтверждает понимание значимости инвестиционной деятельности органами власти [23].

В контексте настоящей статьи важно привести результаты исследований, фокусирующихся на инвестиционной привлекательности отдельных участков приграничного пояса России, с выделением актуальной проблематики настоящего времени.

Рассмотрим влияние кризисов 2014 и 2022 гг. и последующее нарастающее противостояние России и западного блока. Границу эксклавной Калининградской области можно считать уникальной, она традиционно вызывает исследовательский интерес. С точки зрения динамики инвестиций можно привести результаты работы, в которой показано негативное влияние настоящей геополитической ситуации на реализацию крупных международных инфраструктурных проектов, требующих совместных инвестиций [24]. На карельском участке пограничья также фиксируется практика свертывания инвестиционных проектов. Так, прекратили свою деятельность несколько высокотехнологичных производств, развивавшихся за счет иностранных инвестиций (предприятия

компании *RKC Group*). Колоссальные изменения произошли на российско-украинской границе. В прошлом одна из самых контактных во всех отношениях граница стала выражено барьерной, в том числе для инвестиционной деятельности [25]. Здесь уместно привести результаты исследования развития приграничных регионов и их интеграции, которые показывают корреляцию этих процессов с целями, мотивами и институциональной средой соседних стран [26].

В работе исследователей Института географии РАН показан опыт сотрудничества на участке российско-казахстанского пограничья в топливно-энергетическом секторе [27]. Совместные экономические проекты в этом случае сопровождаются значительными инвестициями, что корреспондируется с данными, представленными в разделе «Результаты» (см. табл. 1).

Расширяются экономические связи между Россией и Китаем, что сопровождается ростом объемов взаимных инвестиций, в том числе в крупные транспортно-логистические проекты [28].

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как было сказано, настоящая работа является продолжением выполненных авторами ранее исследований, направленных на оценку влияния фактора приграничного положения на уровень торговой открытости. Таким образом, цели, методы и временные периоды показателей методически связаны с подходами, используемыми авторами в работе [2]. На основе показателя уровня инвестиционной открытости субъектов Российской Федерации построены модели, которые демонстрируют пространственную организацию и характер влияния границы. В целях определения изменений инвестиционная открытость регионов оценивалась для определенных периодов с учетом кризисных явлений в мировой и российской экономике, изменения методик статистического учета. Для проверки гипотезы о том,

что граница государства может оказывать влияние на инвестиционную деятельность, в анализе особое внимание уделяется приграничному поясу и трансформационным процессам с выявлением лидеров и аутсайдеров для определенных периодов.

Инфраструктурные проекты и совместные предприятия часто реализуются именно в трансграничном пространстве. Исходя из этого можно предположить, что приграничные регионы могут выступать пространствами инвестиционной привлекательности. Необходимо сказать, что приграничными регионами в работе считаются территории, обладающие сухопутной или морской границей с сопредельным государством. Кроме этого, регионы, которые омываются морем, содержащим не только внутренние воды России, также рассматриваются как приграничные. Такой подход соответствует общепринятой практике в исследованиях зарубежных и отечественных специалистов, посвященных приграничной тематике и нормам морского права.

Исходя из цели работы, реализован методический подход, основанный на расчете показателя инвестиционной открытости, с последующей типологизацией российских регионов по этому показателю и визуализацией результатов в виде картографических материалов и сравнительного анализа. Представим методический инструментарий более подробно. Показатель инвестиционной открытости рассчитан по формуле (1):

$$I.o_i = \frac{In.inv_i}{In.inv_R} \times 100\%, \quad (1)$$

где $I.o_i$ – инвестиционная открытость региона i ; $In.inv_i$ – иностранные инвестиции в экономику региона i ; $In.inv_R$ – иностранные инвестиции в экономику России.

Для расчета показателя использованы статистические данные за 2011, 2015, 2021 гг. При выборе периодов исследования учитывались периоды экономических кризисов, доступность наиболее свежих данных и возможность даль-

нейшего сопоставления полученных результатов с результатами ранее проведенного исследования [2].

На следующем этапе все регионы были типологизированы по уровню инвестиционной открытости. Типологические группы выделялись с применением иерархического кластерного анализа. По результатам типологизации выделены группы лидирующих, средних и отстающих регионов в 2011, 2015 и 2021 гг. При этом анализ пропущенных данных и параметров, выходящих за границы стандартных отклонений, обосновал необходимость исключения ряда регионов из процедуры кластеризации. Этими объектами оказались города Москва и Санкт-Петербург, Тюменская, Московская и Сахалинская области, Ямало-Ненецкий автономный округ. Исходя из результатов дополнительных экспертных оценок и логики процесса выделения типологических групп, данные регионы были отнесены к группе регионов, лидирующих по уровню инвестиционной открытости. Решение о количестве групп типологии принималось на ос-

нове коэффициента расстояния между центрами кластеров.

Для выявления пространственных закономерностей трансформации инвестиционной активности на основе результатов типологизации подготовлены картосхемы. Полученные картографические модели демонстрируют пространственную организацию по выявленным типологическим группам.

В ходе анализа использованы статистические данные Росстата, ведомственные данные, результаты ранее выполненных авторами работ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Неоднородность инвестиционной привлекательности российских регионов является реальностью российского пространства. Совокупный показатель иностранных инвестиций является суммой инвестиций в регионы (рис. 1). Динамика показателя соответствует общеизвестным кризисным явлениям в экономике России. При этом подобная динамика фиксируется и для ВВП.

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного Банка¹.

Рис. 1. Динамика изменения показателей в 2000–2022 гг.

Fig. 1. Dynamics of indicators in 2000–2022

¹ World Development Indicators // World Bank. URL: <https://clck.ru/3Ew9Wr> (дата обращения: 01.03.2024).

Табл. 1. Типология российских регионов по уровню инвестиционной открытости экономики
Table 1. Typology of the Russian regions by their economy's investment openness

Тип	2011 г.: неприграничные / приграничные	2015 г.: неприграничные / приграничные	2021 г.: неприграничные / приграничные
Лидеры	г. Москва, Тюменская область, Тюменская область без автономных округов, г. Санкт-Петербург, Московская область, Сахалинская область, Ленинградская область, Вологодская область, Красноярский край, Ямало-Ненецкий автономный округ	г. Москва, Тюменская область, Московская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область без автономных округов, Ленинградская область, Пермский край, Красноярский край	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Тюменская область, Московская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область без автономных округов, Липецкая область, Вологодская область, Красноярский край, Сахалинская область, Челябинская область
Средние	68,0–0,6 Краснодарский край, Ярославская область, Свердловская область, Липецкая область, Нижегородская область, Пермский край, Челябинская область, Кемеровская область, Амурская область, Самарская область, Чукотский автономный округ, Томская область, Ростовская область, Республика Саха (Якутия), Воронежская область, Удмуртская Республика, Владимирская область, Тульская область, Республика Башкортостан, Приморский край, Калужская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Республика Коми	49,8–1,8 Вологодская область, Краснодарский край, Свердловская область, Республика Татарстан, Калужская область, Липецкая область	54,3–1,5 Кемеровская область, Ленинградская область, Приморский край, Свердловская область
Остающиеся	0,6–0,1 Костромская область, Иркутская область, Алтайский край, Архангельская область, Республика Татарстан, Хабаровский край, Архангельская область, Магаданская область, Смоленская область, Новгородская область, Белгородская область, Республика Карелия, Ставропольская область, Калининградская область, Республика Хакасия, Мурманская область, Волгоградская область, Саратовская область, Омская область, Рязанская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Адыгея, Орловская область, Тверская область, Забайкальский край, Республика Тыва, Астраханская область, Курганская область, Кировская область, Ульяновская область, Исковская область, Курская область, Пензенская область, Ненецкий автономный округ, Чувашская область	1,8–0,8 Нижегородская область, Республика Саха (Якутия), Челябинская область, Магаданская область, Приморский край, Кемеровская область, Амурская область, Тульская область, Волгоградская область, Республика Коми, Ставропольский край, Мурманская область, Костромская область, Ханты-Томская область, Новгородская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Самарская область, Смоленская область, Ульяновская область, Новосибирская область, Ростовская область, Владимирская область, Удмуртская Республика, Республика Башкортостан, Чукотский автономный округ, Тверская область, Забайкальский край, Республика Карелия, Воронежская область, Ярославская область, Калининградская область	1,3–0,7 Амурская область, Краснодарский край, Самарская область, Калужская область, Нижегородская область, Белгородская область, Республика Саха (Якутия), Тульская область, Калининградская область, Новгородская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Волгоградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Новосибирская область, Костромская область, Забайкальский край, Хабаровский край, Саратовская область, Республика Коми, Пермский край, Смоленская область, Орловская область, Тверская область, Рязанская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Воронежская область, Мурманская область, нежская область

Окончание табл. 1

Тип	2011 г.: неприграничные / приграничные	2015 г.: неприграничные / приграничные	2021 г.: неприграничные / приграничные
Отстающие	Республика Дагестан, Тамбовская область Камчатский край, Республика Марий Эл, Ивановская область, Карачаево-Черкесская Республика Калмыкия, Брянская область, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Мордовия, Республика Бурятия, Кабардино-Балкарская Республика	область, Чеченская Республика, Рязанская область, Архангельская область, Саратовская область, Ивановская область, Астраханская область Хабаровский край, Архангельская область Оренбургская область, Еврейская автономная область Кировская область, Иркутская область, Чувашская Республика, Белгородская область, Курганская область, Ненецкий автономный округ, Республика Бурятия, Курская область, Пензенская область, Омская область, Республика Тыва, Псковская область, Республика Крым, Брянская область, Республика Дагестан, Тамбовская область, Республика Мордовия, Алтайский край, Орловская область, Камчатский край, г. Севастополь, Республика Хакасия, Республика Адыгея, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика Алтай	Ярославская область, Томская область, Ульяновская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Архангельская область, Кировская область, Чукотский автономный округ, Республика Карелия, Ивановская область, Псковская область, Астраханская область, Оренбургская область, Курская область, Республика Крым, Чеченская Республика, Омская область, Брянская область, Удмуртская Республика, Курганская область, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Адыгея, Алтайский край, Чувашская Республика, Республика Мордовия, Республика Бурятия, Республика Хакасия, г. Севастополь, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Марий Эл, Еврейская автономная область, Республика Ингушетия, Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия, Республика Алтай
	0,1–0,0	0,8–0,0	0,7–0,0
Источник: составлено авторами по данным Росстата и результатам расчетов и кластеризации.			

В рамках настоящего исследования изучались аспекты пространственной дифференциации и трансформации инвестиционной открытости российских регионов во времени с учетом фактора влияния приграничного положения. Для достижения этих целей авторами определена инвестиционная открытость регионов России в 2011, 2015, 2021 гг. по формуле (1). В связи со значительным количеством рассматриваемых объектов целесообразно разделить их на группы с высокими, средними и низкими показателями. Основанием для выделения типологических групп стали результаты кластеризации. Оправданность этого деления связана не только с исследовательскими стремлениями к структурированию, но и с необходимостью оптимизации процесса управления. При этом для определения фактора влияния приграничного положения в каждой группе выделены приграничные и неприграничные регионы (см. табл. 1). Регионы расположены в ячейке таблицы по принципу убывания показателя инвестиционной открытости, также указан диапазон показателя.

За анализируемый период в группе лидирующих регионов не происходило значительных изменений: 10–11 субъектов сохраняли наиболее высокие показатели инвестиционной открытости. Возглавили рейтинг города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Тюменская и Московская области. К изменениям можно отнести переход Вологодской области в среднюю группу с последующим возвращением в группу лидеров и переход Ленинградской области из лидирующей группы в группу со средними показателями по данным за 2021 г. Если рассматривать влияние фактора приграничного положения, то необходимо признать, что приграничных субъектов в данной группе меньшинство. При этом Ленинградская область и г. Санкт-Петербург относятся к так называемой старой границе с Европейским союзом. Соответственно, переход Ленинградской области в группу со средними показателями можно объяснить существенным снижением потоков инвестиций из соседней Финляндии после 2014 г. (табл. 2).

Табл. 2. Потоки прямых инвестиций в Россию по странам-соседям, млн дол.

Table 2. Flows of direct investments into Russia from neighboring countries, mln dollars

Страна	2015*		2016		2017		2018		2019		2020		2021	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Беларусь	42,2	736,2	47,6	629,2	47,9	494,4	52,8	646,3	14,7	588,2	11,5	474,1	–3,1	510,6
Казахстан	432,6	642,8	350,5	476,3	205,0	727,1	158,6	365,6	130,0	187,4	107,4	63,9	16,0	67,2
Абхазия	0,3	2,5	0,2	3,9	0,3	11,4	2,3	13,0	1,7	8,7	2,1	6,6	0,1	1,4
Азербайджан	32,0	0,6	99,6	–43,1	30,6	4,0	19,4	148,6	39,0	13,3	–8,6	21,7	0,3	5,7
Грузия	–19,4	–130,9	–40,2	26,7	–48,4	66,4	–9,6	48,4	2,9	61,7	–4,8	47,0	–1,6	76,1
Китай	645,3	11,0	345,2	5,9	139,7	33,1	–12,8	35,3	135,9	43,1	31,3	2,2	0,7	7,2
Латвия	196,3	–21,5	84,0	–61,9	–58,0	–29,9	59,9	135,6	119,1	19,9	–2,4	–62,3	–21,4	–1,1
Литва	8,3	3,1	15,3	7,9	8,1	7,3	20,5	18,5	3,1	40,7	–4,0	0,9	2,3	3,6
Монголия	2,9	2,5	1,0	–397,4	0,2	5,3	0,0	–3,4	–0,2	4,2	0,3	1,1	0,0	–0,1
Норвегия	–92,5	187,2	34,0	8,5	30,8	–28,9	43,6	–2,8	23,3	–23,5	554,5	22,6	–0,5	10,2
Польша	20,5	66,7	115,6	55,2	5,2	–14,6	–26,8	–1,2	67,2	33,9	–9,2	1,1	60,0	3,2
Украина	12,1	595,4	22,6	822,0	15,2	–92,3	9,9	212,9	–1,8	239,6	–9,6	93,6	–3,2	15,8
Финляндия	–272,4	1 454,4	252,6	103,8	50,1	–6,9	582,0	227,6	–276,0	–189,3	–231,4	273,6	34,5	45,1
Эстония	32,1	63,3	60,3	–5,0	8,2	11,6	0,2	68,5	–3,1	38,7	10,4	43,4	3,4	4,8
Южная Осетия	–	0,1	–	0,0	–	–	–	–0,3	–	1,6	–	0,0	–	–0,1

* 1 – поток инвестиций в страну; 2 – поток инвестиций из страны.

Источник: составлено авторами по данным Евразийской экономической комиссии¹.

¹ Прямые иностранные инвестиции // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://clck.ru/3Ew9wU> (дата обращения: 01.03.2024).

Более устойчивую позицию г. Санкт-Петербурга можно объяснить выгодным географическим положением, сложившейся транспортно-логистической системой, структурой экономики и человеческим потенциалом. Тюменская область граничит с Казахстаном. Однако инвестиционная открытость региона обеспечивается не влиянием границы, а реализацией крупных инвестиционных проектов в нефтегазовой сфере. В регионе добывается большая часть российских нефти и газа. Челябинская область, которая вошла в состав лидеров по уровню инвестиционной открытости по данным 2021 г., также граничит с Казахстаном. Остановимся на этом кейсе более подробно. Челябинская область с точки зрения инвестиционной открытости перешла в группу лидеров сразу из группы с наиболее низкими показателями. Рост показателей инвестиционной привлекательности сопровождался также ростом дохода регионального бюджета. Область после 2016 г. перестала быть дотационным регионом. В национальном рейтинге инвестиционного климата регион по итогам 2022 г. занял 9 место.

Проведенное исследование оценки инвестиционной открытости российских регионов определило наличие устойчивых позиций в региональном разрезе. Значительная часть регионов на протяжении всего исследуемого периода сохраняет свое положение в рассматриваемых типологических группах. Мурманская и Псковская области, к примеру, в анализируемые периоды относятся к отстающей группе по исследуемому показателю. Рассчитанный индикатор инвестиционной открытости в рамках данных территорий демонстрирует устойчивый тренд с отсутствием колебательных процессов. Наличие данного тренда в разрезе значительного количества российских регионов позволяет говорить о сложившихся экономических и инвестиционных процессах, которые определяются структурой экономики территории, инвестиционным климатом и рядом других не менее значимых факторов.

Группа регионов со средними показателями инвестиционной открытости за обсле-

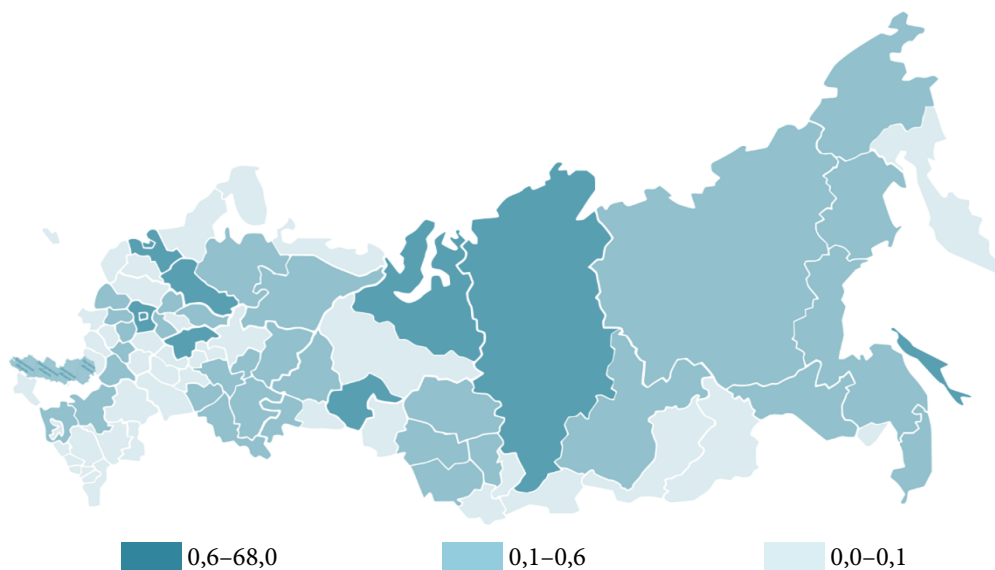
дуемый период значительно сократилась: с 28 % по итогам 2011 г. до 5 % в 2021 г. за счет перехода части регионов в группу с наиболее низкими показателями. В натуральных показателях это более 20 регионов, из них немного меньше половины относятся к приграничным. С географической точки зрения результаты типологизации по показателям 2011 г. являются следующими: четыре из девяти приграничных регионов группы со средним уровнем инвестиционной открытости граничили с Казахстаном, остальные – с Украиной, Абхазией и Китаем. По итогам типологизации 2021 г. за счет значительного сокращения состава самой группы соседство зафиксировано с Европейским союзом (переход Ленинградской области в данную группу) и Китаем. При этом сокращение группы соответствует значительному снижению общего потока иностранных инвестиций (см. рис. 1).

Группа регионов с наиболее низким уровнем инвестиционной привлекательности оказалась самой многочисленной. По результатам типологизации на основе данных 2021 г. больше 80 % от всех регионов попали в группу с показателями инвестиционной открытости ниже 0,7. При этом сам диапазон сформировался из достаточно низких показателей, что демонстрирует усиление дифференциации. Доля приграничных регионов в этой группе оставалась практически неизменной (47–48 %). По численности и составу происходили более существенные изменения, которые были представлены ранее. Значительное расширение группы произошло за счет регионов средней группы (см. табл. 1). С географической точки зрения также происходили трансформации, связанные с фактором влияния границы. Ввиду своей многочисленности регионы группы относятся к участкам границ России со всеми странами-соседями. При этом можно выделить некоторые пространственные закономерности. Например, если по итогам типологизации показателя, рассчитанного по данным 2011 и 2015 гг., в самом конце списка оказались приграничные регионы, относящиеся к кавказскому сегменту границы, то по итогам типологизации 2021 г.

к ним присоединились регионы, граничащие с Казахстаном и Монголией. Эти результаты отчасти подтверждаются данными табл. 2, которые показывают, что такие страны, как Абхазия, Южная Осетия и Монголия, генерировали самые низкие инвестиционные потоки. Одновременно с этим соответствующие субъекты РФ (Северная Осетия – Алания, республики Алтай, Тыва и Бурятия, Забайкальский край), граничащие с Южной Осетией и Монголией, демонстрируют низкие и самые низ-

кие показатели инвестиционной открытости. Краснодарский край относится к группе со средними показателями, что связано с крупными инвестиционными проектами, которые реализовывались в регионе.

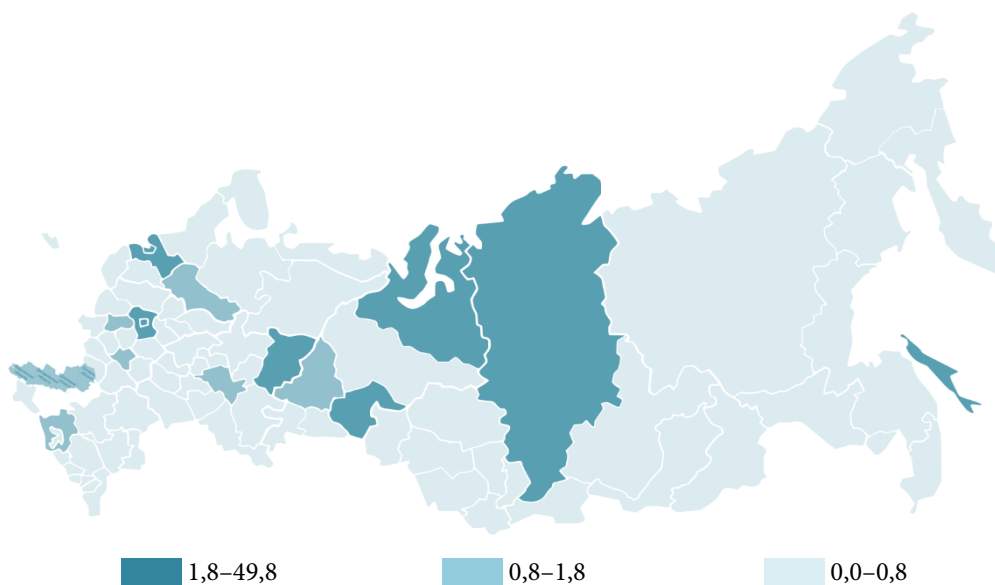
В качестве наглядного материала, показывающего изменения уровня инвестиционной привлекательности российских регионов на основе типологизации, были подготовлены карто-схемы (рис. 2–4). Цветом обозначен диапазон уровня инвестиционной открытости.

Источник: составлено авторами по результатам типологизации регионов.

Рис. 2. Пространственная организация российских регионов по уровню инвестиционной открытости, 2011 г.

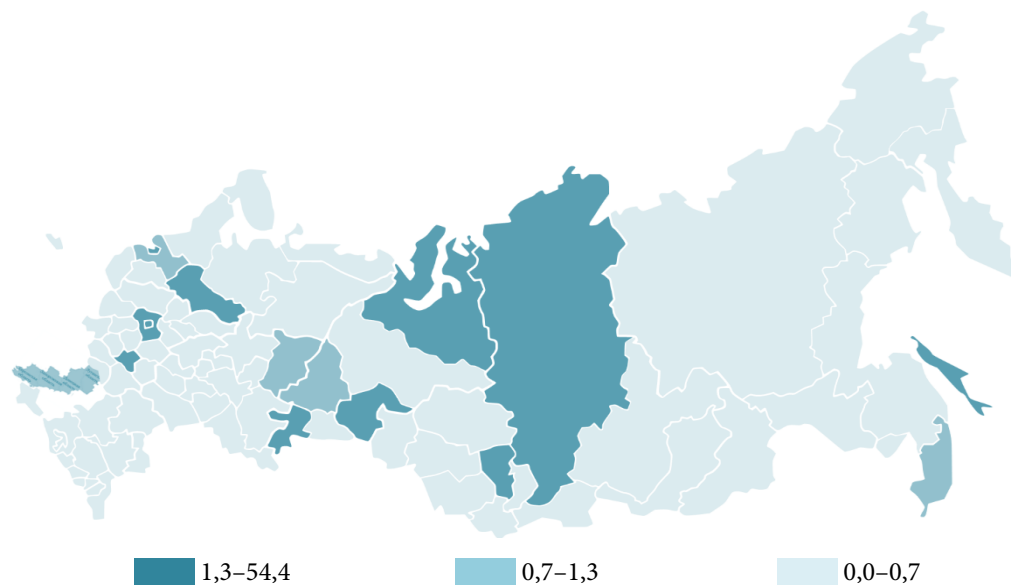
Fig. 2. Spatial distribution of the Russian regions by investment openness, 2011

Источник: составлено авторами по результатам типологизации регионов.

Рис. 3. Пространственная организация российских регионов по уровню инвестиционной открытости, 2015 г.

Fig. 3. Spatial distribution of the Russian regions by investment openness, 2015

Источник: составлено авторами по результатам типологизации регионов.

Рис. 4. Пространственная организация российских регионов по уровню инвестиционной открытости, 2021 г.

Fig. 4. Spatial distribution of the Russian regions by investment openness, 2021

ВЫВОДЫ

Результаты исследования дали возможность сформулировать ряд выводов, коррелирующих с целью и задачами работы. Изучение уровня инвестиционной открытости регионов и динамики его изменения демонстрирует, что за анализируемый период сформировалась группа регионов-лидеров. Этими регионами оказались субъекты с высокими показателями социально-экономического развития, что подтверждается результатами рейтингования РИА Новости¹. Для большей части этих регионов также характерна высокая инфраструктурная обеспеченность. Доля приграничных регионов в данной группе незначительна. При этом регионы-лидеры по исследуемому параметру в целом сохранили свои позиции. Рассматриваемая группа оказалась устойчивой главным образом за счет сложившейся структуры экономики. Фактор приграничного положения не оказал здесь прямого влияния.

Второй группе регионов, со средними показателями, свойственно значительное сокра-

щение количества входящих в нее регионов и переход большей их части в группу с низкими показателями инвестиционной открытости. Можно говорить об усилении дифференциации регионов по уровню инвестиционной открытости на фоне общего снижения инвестиционной привлекательности и инвестиционной открытости страны. Кроме того, можно ожидать, что негативный тренд перехода регионов в группу с более низкими показателями на фоне текущего кризиса будет усиливаться за счет сокращения группы лидирующих регионов. По мнению специалистов, негативная динамика макроэкономических показателей формируется главным образом из-за усиливающегося санкционного давления на Россию [29]. Для преодоления этого тренда необходима реализация государственной политики по интенсификации привлечения инвестиций из дружественных стран.

В то же время выявить общую для всего приграничного пояса тенденцию влияния фактора границы по представленным результатам не представляется возможным. По количественному составу группы регионов со средними

¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года // РИА Новости. URL: <https://clck.ru/3EwAFs> (дата обращения: 10.03.2024).

и низкими показателями примерно равны приграничным и неприграничным регионам. Однако можно выявить тенденции на отдельных сегментах границы, характер которых во многом объясняется геополитической конъюнктурой. Так, значительно снизился показатель инвестиционной открытости некоторых регионов, относящихся к европейской границе (Мурманская и Псковская области, Республика Карелия). Большая часть регионов, граничащих с Китаем, повысила показатель инвестиционной открытости (Приморский край, Амурская область, Забайкальский край). Участок границы с Казахстаном в целом характеризуется несущественными колебаниями уровня инвестиционной открытости, кроме Челябинской области, в корне изменившей свои позиции и переместившейся из группы с самими низкими показателями в группу лидеров.

Можно заключить, что приграничное положение не оказывает преобладающего влияния на уровень инвестиционной открытости экономик российских регионов. Однако на отдельных участках границы воздействие можно зафиксировать, причем его характер будет во многом объясняться геополитической

ситуаций, которая влияет на тип сложившейся в прошлом и развивающейся в настоящем внешнеэкономической деятельности. Для регионов, которые активно развивали взаимодействие именно с приграничными территориями, это влияние оказывается более выраженным. Таким образом, структура внешнеэкономической деятельности по странам и доля в этой структуре агентов, локализованных в приграничном регионе, формируют предпосылки для более сильного влияния фактора приграничного положения. При этом, как было сказано, характер такого влияния зависит от геополитической ситуации и конкретных управленческих решений, принимаемых обеими сторонами процесса взаимодействия. Учитывая значимость инвестиционной привлекательности для экономического и технологического развития, необходимо развивать и использовать ее научно обоснованный мониторинг. Представленный в настоящей работе методический подход может использоваться для оценки трансформации параметра инвестиционной открытости экономик российских регионов во времени и пространстве, в том числе с учетом влияния фактора приграничного положения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Потеря связи – потеря управления. К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 46–52. DOI 10.22394/1726-1139-2024-1-46-52. EDN JEKANH
2. Васильева А. В., Морошкина М. В. Торговая открытость российских регионов: трансформации во времени и влияние приграничного положения // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 18, № 4. С. 374–388. DOI 10.17072/1994-9960-2023-4-374-388. EDN NXRITM
3. Драпкин И. М., Лукьянов С. А., Бокова А. А. Влияние прямых иностранных инвестиций на внутренние инвестиции в российской экономике // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 69–85. DOI 10.32609/0042-8736-2020-5-69-85. EDN BYZRDZ

REFERENCES

1. Maksimtshev I. A., Mezhevich N. M., Khlutkov A. D. Loss of communication – loss of control. On the issues of economic and political results of 2023. *Administrative Consulting*, 2024, no. 1, pp. 46–52. (In Russ.). DOI 10.22394/1726-1139-2024-1-46-52. EDN JEKANH
2. Vasilieva A. V., Moroshkina M. V. Trade openness of the Russian regions: Transformations over time and influence of border location. *Perm University Herald. Economy*, 2023, vol. 18, no. 4, pp. 374–388. (In Russ.). DOI 10.17072/1994-9960-2023-4-374-388. EDN NXRITM
3. Drapkin I. M., Lukyanov S. A., Bokova A. A. Influence of foreign direct investment on domestic investment in the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 69–85. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2020-5-69-85. EDN BYZRDZ

4. Глазьев С. Ю., Сухарев О. С. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход // Российский экономический журнал. 2024. № 2. С. 4–30. EDN YETAOG

5. Grossman G. M., Helpman E. Innovation and growth in the global economy. MIT Press, 1991. 359 p.

6. Замараев Б. А., Маршова Т. Н. Эффективность инвестиционного процесса воспроизводства // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 45–68. DOI 10.32609/0042-8736-2020-5-45-68. EDN JVIOTI

7. Матвеева Е. Е. Экономическая безопасность в сфере внешнеэкономической деятельности // Вестник Университета Российской академии образования. 2020. № 1. С. 12–26. DOI 10.24411/2072-5833-2020-10002. EDN MCTRHQ

8. Гусарова В. Н., Петрова К. А. Оценка инвестиционного потенциала Псковской области // Тезисы докладов 50-й междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов, посвящ. году науки (Витебск, 12–13 апреля 2017 г.). Витебск: Витебский гос. технол. ун-т, 2017. С. 39–40. EDN ZJVDDD

9. Свириденко М. В. Формирование концепции пространственного развития территории Санкт-Петербургской агломерации: целесообразность проведения согласованной инвестиционной политики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 1 (68). С. 92–97. DOI 10.52897/2411-4588-2022-1-92-97. EDN BBOTIJ

10. Городецкий А. Е., Митяков С. Н. Эволюция национальных интересов и экономической политики России // Развитие и безопасность. 2023. № 1 (17). С. 4–20. DOI 10.46960/2713-2633_2023_1_4. EDN ACXPRP

11. Власов С. А., Синяков А. А. Эффективность государственных инвестиций и выводы для денежно-кредитной политики в России // Вопросы экономики. 2020. № 9. С. 22–39. DOI 10.32609/0042-8736-2020-9-22-39. EDN FTKVIK

12. Fangwen L., Sun W., Wu J. Special economic zones and human capital investment: 30 years of evidence from China // American Economic Journal: Economic Policy. 2023. Vol. 15, No. 3. P. 35–64. DOI 10.1257/pol.20200492

13. Laurent B., Bozio B., Guillouzouic A., Malgouyres C. Dividend taxes and the allocation of capital: Comment // American Economic Review. 2023. Vol. 113, No. 7. P. 2048–2052. DOI 10.1257/aer.20221432

14. Кондратович Д. Л. Некоторые особенности специальных финансовых режимов, направленных на привлечение инвестиций в АЗРФ // Экономика и управление: проблемы и решения. 2022. Т. 4, № 11 (131). С. 101–114. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.11.04.015. EDN REZBEW

4. Glazyev S. Yu., Sukharev O. S. Economic growth of Russia and structural modernization: Project approach. *Russian Economic Journal*, 2024, no. 2, pp. 4–30. (In Russ.). EDN YETAOG

5. Grossman G. M., Helpman E. Innovation and growth in the global economy. MIT Press, 1991. 359 p.

6. Zamaraev B. A., Marshova T. N. The effectiveness of the investment process of reproduction. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 45–68. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2020-5-45-68. EDN JVIOTI

7. Matveeva E. E. Economic security in the sphere of foreign economic activity. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, 2020, no. 1, pp. 12–26. (In Russ.). DOI 10.24411/2072-5833-2020-10002. EDN MCTRHQ

8. Gusarova V. N., Petrova K. A. Otsenka investitsionnogo potentsiala Pskovskoi oblasti. *Tezisy dokladov 50 mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov, posvyashchennoi godu nauki (Vitebsk, 12–13 aprelya 2017 goda)*. Vitebsk, 2017, pp. 39–40. (In Russ.). EDN ZJVDDD

9. Sviridenko M. V. Formation of the concept of spatial development of the territory of the St. Petersburg agglomeration: The opportunity of a coordinated investment policy. *Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development*, 2022, no. 1 (68), pp. 92–97. (In Russ.). DOI 10.52897/2411-4588-2022-1-92-97. EDN BBOTIJ

10. Gorodetsky A. E., Mityakov S. N. Evolution of national interests and economic policy in Russia. *Razvitie i bezopasnost'*, 2023, no. 1 (17), pp. 4–20. (In Russ.). DOI 10.46960/2713-2633_2023_1_4. EDN ACXPRP

11. Vlasov S. A., Sinyakov A. A. Public investment efficiency and monetary policy consequences: The case of investment ratio enhancing policy in Russia. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 9, pp. 22–39. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2020-9-22-39. EDN FTKVIK

12. Fangwen L., Sun W., Wu J. Special economic zones and human capital investment: 30 years of evidence from China. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 35–64. DOI 10.1257/pol.20200492

13. Laurent B., Bozio B., Guillouzouic A., Malgouyres C. Dividend taxes and the allocation of capital: Comment. *American Economic Review*, 2023, vol. 113, no. 7, pp. 2048–2052. DOI 10.1257/aer.20221432

14. Kondratovich D. L. Some features of special financial regimes aimed at attracting investments in the Russian Arctic. *Ekonomika i upravlenie: problemy resheniya*, 2022, vol. 4, no. 11 (131), pp. 101–114. (In Russ.). DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.11.04.015. EDN REZBEW

15. Jacobson L. Despite repeated pledges to get rid of carried interest tax break, it remains on the books // *Politifact*. Dec 20, 2017. URL: <https://clck.ru/3EwAkA> (дата обращения: 01.03.2024).
16. Квашина И. А. Влияние пандемии covid-19 на мировую экономику и потоки прямых иностранных инвестиций // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020. № 4. С. 166–175. DOI 10.24411/2073-6487-2020-10049. EDN VVDUYZ
17. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Глобальные прямые иностранные инвестиции. Структурные изменения в условиях текущего кризиса // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 3. С. 1014–1026. DOI 10.17059/ekon.reg.2021-3-21. EDN CQJJKJ
18. Найденова Ю. Н., Леонтьева В. В. Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний // *Вопросы экономики*. 2020. № 2. С. 141–159. DOI 10.32609/0042-8736-2020-2-141-159. EDN DRMWHO
19. Ломакина Н. В. Государственное стимулирование инвестиционной активности в ресурсном регионе: дальневосточный вариант // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16, № 4. С. 68–90. DOI 10.14530/se.2020.4.068-090. EDN HQCYHM
20. Тарасова О. В. Пространственная диалектика государственно-частного партнерства в России // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 2 (185). С. 130–141. DOI 10.47711/0868-6351-185-130-141. EDN UUBCDK
21. Цивилева А. Е., Голубев С. С. Мультипликативный экономический и социальный эффект деятельности территорий опережающего социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) // *Уголь*. 2021. № 11 (1148). С. 33–37. DOI 10.18796/0041-5790-2021-11-33-37. EDN APMQTY
22. Korzhenevych A., Bröcker J. Investment subsidies and regional welfare: a dynamic framework and its application to the European regional policy // *Regional Studies*. 2020. Vol. 54, No. 9. P. 1262–1274. DOI 10.1080/00343404.2019.1702157
23. Жихаревич Б. С., Гресь Р. А., Прибышин Т. К. Эволюция содержания стратегий российских городов (1997–2022) // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2023. № 2 (73). С. 38–49. DOI 10.52897/2411-4588-2023-2-38-49. EDN IWCLDH
24. Колосов В. А., Себенцов А. Б. Граница как барьер и стимул структурной трансформации экономики Калининградского эксклава // *Балтийский регион*. 2023. Т. 15, № 4. С. 104–123. DOI 10.5922/2079-8555-2023-4-6. EDN XYPIEV
15. Jacobson L. Despite repeated pledges to get rid of carried interest tax break, it remains on the books. *Politifact*, Dec 20, 2017. Available at: <https://clck.ru/3EwAkA> (access date 01.03.2024).
16. Kvashnina I. A. The impact of the COVID-19 pandemic on the global economy and foreign direct investment flows. *Vestnik instituta ekonomiki rossiyskoy akademii nauk*, 2020, no. 4, pp. 166–175. (In Russ.). DOI 10.24411/2073-6487-2020-10049. EDN VVDUYZ
17. Smirnov E. N., Lukyanov S. A. Global foreign direct investment: Structural changes in the current crisis. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 1014–1026. (In Russ.). DOI 10.17059/ekon.reg.2021-3-21. EDN CQJJKJ
18. Naidenova Yu. N., Leonteva V. V. Economic policy uncertainty and investment of Russian companies. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 2, pp. 141–159. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2020-2-141-159. EDN DRMWHO
19. Lomakina N. V. State incentivizing of investment activity in the resource region: Far East of Russia variant. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 68–90. (In Russ.). DOI 10.14530/se.2020.4.068-090. EDN HQCYHM
20. Tarasova O. V. Spatial dialectics of public-private partnership in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, no. 2 (185), pp. 130–141. (In Russ.). DOI 10.47711/0868-6351-185-130-141. EDN UUBCDK
21. Tsivileva A. E., Golubev S. S. Multiplier economic and social effect of activities in territories of priority social and economic development in the Republic of Sakha (Yakutia). *Ugol'*, 2021, no. 11 (1148), pp. 33–37. (In Russ.). DOI 10.18796/0041-5790-2021-11-33-37. EDN APMQTY
22. Korzhenevych A., Bröcker J. Investment subsidies and regional welfare: a dynamic framework and its application to the European regional policy. *Regional Studies*, 2020, vol. 54, no. 9, pp. 1262–1274. DOI 10.1080/00343404.2019.1702157
23. Zhikharevich B. S., Gres R. A., Pribyshin T. K. Evolution of the content of strategies of Russian cities (1997–2022). *Ekonomika Severo-Zapada: problem i perspektivy razvitiya = Economy of the North-West: problems and prospects of development*, 2023, no. 2 (73), pp. 38–49. (In Russ.). DOI 10.52897/2411-4588-2023-2-38-49. EDN IWCLDH
24. Kolosov V. A., Sebensov A. B. The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave. *Baltic Region*, 2023, vol. 15, no. 4, pp. 104–123. (In Russ.). DOI 10.5922/2079-8555-2023-4-6. EDN XYPIEV

25. Зотова М. В., Гриценко А. А., Фон Лёвис С. Свои или чужие? Трансформация приграничных практик и отношение к соседям в Белгородской и Ростовской областях России после 2014 года // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 124–144. DOI 10.31857/S086954150013601-1. EDN CGDFTN

26. Кузавко А. С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики Российской Академии наук. 2023. № 2. С. 108–130. DOI 10.52180/2073-6487_2023_2_108_130. EDN WMGGWU

27. Карпенко М. С., Колосов В. А., Себенцов А. Б. Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 25–40. DOI 10.52311/2079-3359_2021_5_25. EDN XFTQDL

28. Вардомский Л. Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 142–148. DOI 10.31737/22212264_2023_1_142. EDN HKFHSZ

29. Головин М. Ю. Макроэкономические тенденции в России и вызовы на среднесрочную перспективу // Журнал Бюджет. 2024. № 3 (255). С. 18–21. EDN XRHXRU

25. Zotova M. V., Gritsenko A. A., v. Löwis S. Insiders or strangers? Changing cross-border practices and attitudes towards neighbors in Belgorod and Rostov regions of Russia after 2014. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 1, pp. 124–144. (In Russ.). DOI 10.31857/S086954150013601-1. EDN CGDFTN

26. Kuzavko A. S. Border regions in conditions of integration: theoretical estimations and practical results. *Vestnik instituta ekonomiki rossiyskoy akademii nauk*, 2023, no. 2, pp. 108–130. (In Russ.). DOI 10.52180/2073-6487_2023_2_108_130. EDN WMGGWU

27. Karpenko M. S., Kolosov V. A., Sebentsov A. B. Transformation of Russia-Kazakhstan Border-zone cooperation in the Post-Soviet period: Institutional and economic dimensions. *National Strategy Issues*, 2021, no. 5 (68), pp. 25–40. (In Russ.). DOI 10.52311/2079-3359_2021_5_25. EDN XFTQDL

28. Vardomsly L. B. Russian-Chinese economic links in the context of growing international tensions. *Journal of the New Economic Association*, 2023, no. 1 (58), pp. 142–148. (In Russ.). DOI 10.31737/22212264_2023_1_142. EDN HKFHSZ

29. Golovnin M. Yu. Makroekonomicheskie tendentsii v Rossii i vyzovy na srednesrochnuyu perspektivu. *Zhurnal Byudzheta*, 2024, no. 3 (255), pp. 18–21. (In Russ.). EDN XRHXRU

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анастасия Владимировна Васильева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Карельский научный центр Российской академии наук (Институт экономики) (Россия, 185030, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50), ✉ vasnask@gmail.com

Марина Валерьевна Морошкина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Карельский научный центр Российской академии наук (Институт экономики) (Россия, 185030, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50), ✉ maribel74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Vasilieva – Candidate of Science (Economics), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Institute of Economics), (50, Al. Nevsky Prospect, 185030, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia), ✉ vasnask@gmail.com

Marina V. Moroshkina – Candidate of Science (Economics), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Institute of Economics), (50, Al. Nevsky Prospect, 185030, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia), ✉ maribel74@mail.ru